

Николай Добролюбов

Черноморские казаки

в их

гражданском и...

Николай Александрович Добролюбов

Черноморские казаки в их гражданском и военном быту... Уральцы... Сочинение Иоасафа Железнова

Рецензия Добролюбова – один из моментов в формировании исторического взгляда революционных демократов на крестьянскую общину как на социальный институт, черты которого могут быть сохранены и утверждены в будущем общественном устройстве. Добролюбовское «народознание» подкрепляло тем самым философскую и экономическую разработку этого вопроса Н. Г. Чернышевским. В отличие от других рецензентов этих книг Добролюбов подчеркивает классовое расслоение казачества, приведшее его к упадку, и вступает в полемику с Железновым о существовании «духа общины» в настоящем быту русского крестьянина.

Содержание

#1	0005
Примечания	0019

**Николай Александрович
Добролюбов
Черноморские казаки в их
гражданском и военном
быту... Уральцы... Сочинение
Иоасафа Железнова**

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ В ИХ ГРАЖДАНСКОМ И ВОЕННОМ БЫТУ. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры. В двух частях. СПб., 1858

УРАЛЬЦЫ Очерки быта уральских казаков. В двух частях. Сочинение Иоасафа Железнова. Москва, 1859

У нас так мало еще сделано по части статистики и этнографии, что всякая географическая заметка, сделанная мимоходом, есть же приобретение для науки. Тем с большею радостью мы встречаем всякий специальный и сколько-нибудь серьезный труд по этой части.

Оба поименованные нами сочинения имеют предметом своим казацкий быт, в двух различных местностях России. Автор первого сочинения г. Иван Попка[1] занимается тою отраслюю казаков, которая, немного спустя по уничтожении знаменитой Запорожской Сечи, перенесена была на берега Кубани и на новой почве получила назначение – служить защитою южных пределов Европейской России от вторжения неприязненных нам обитателей Кавказа. Во втором сочинении в живых и легких рассказах рисуется быт уральских, или яицких, казаков в начале нынешнего столетия. Местами г. Железнов, автор этого сочинения, касается и современного состояния уральского казачьего войска. Таким образом, оба названные сочинения имеют двойной интерес: статистико-этнографический и истори-

ческий.

Черноморские казаки, как мы уже заметили, – потомки запорожцев. Поводом к уничтожению их прежней Сечи был яицкий бунт.[2] По требованию правительства, большинство запорожцев в 1775 году сложило оружие и разошлось по ближайшим губерниям, чтобы приписаться к мирным сословиям. Только незначительная их часть отвечала непослушанием и бежала на службу к султану. Но мирная жизнь казаков продолжалась самое короткое время. В 1783 году река Кубань объявлена была нашей границей со стороны турецких владений на Кавказе. Правительство, имея в виду заселение этой границы народом, привыкшим к постоянной войне, обратилось к бывшим запорожцам с призывом их на службу «по старому казацкому уряду», только на новом месте. Казаки, разумеется, с радостью встретили этот призыв и в 1792 году переселились на Кубань, в числе 13 000 человек. Затем вследствие особых мер правительства, к ним подошло еще в виде отсталых до 7000 семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Но-

вороссийского края. Это составило коренное население казацкого Черноморья. К нему с течением времени присоединилось до 500 запорожцев, убежавших к султану, около 52 000 добровольных переселенцев мужского пола из губернии Полтавской, Черниговской и Харьковской и до 1000 душ мужского пола добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар. Весь войсковой состав простирался тогда до 73 000 мужского и 50 000 женского пола душ. Вместе с переселением казаков на Кубань перешло туда и прежнее их сечевое устройство – кош и курени. Это устройство существовало около десяти лет. Но со вступлением на престол императора Александра I курени в черноморском войске заменены были полками, а название куреней осталось за казацкими селениями, которые впрочем, в позднейшее время стали называться станицами, для сходства с другими казачьими войсками. Главное управление над войском предоставлено наказному атаману, который вместе с военною имеет в своих руках и высшую гражданскую власть над всеми войсковыми учреждениями. Вместе с тем учрежде-

ны были и другие военные должности и звания, по образцу прочих войск империи. Вся войсковая иерархия стала избираться от правительства, а не свободными голосами куреней, как было на вольном Запорожье и в первые десять лет пребывания казаков в Черноморье, пока у них существовало сечевое устройство. Прежде военные чины избирались из среды всего казачьего круга, и притом только на время, после чего они опять становились в общий ряд с остальными членами своего сословия. «Это, – как говорит автор, – были Цинциннаты, которые вчера ехали на триумфальной колеснице, а сегодня тянули из воды рыболовную сеть». Теперь высшее военное сословие отделилось резко от простых казаков и на языке последних стало известно под именем «панства». Понятно, что при новом устройстве должен был совершенно измениться и дух самого общества. Много, что при прежнем порядке вещей было хорошо, оказалось теперь несостоятельным и требовало отменения. К сожалению, при введении нового устройства на это не было обращено должного внимания, и реформа внесла

в казацкое общество только одно зло и несогласия. Мы говорим о поземельной усобице, вызвавшей войсковое положение 1842 года.

При переселении казаков на Кубань правительство дало им землю, предоставив каждому члену общества пользоваться ею по мере надобности. Так как земля дана была не отдельным личностям, а целому обществу, то само собою разумеется, что на ней невозможно было никакое частное потомственное владение; на ней могло быть только пожизненное пользование. Пока в Черноморье существовало старинное запорожское устройство, пока все без изъятия казаки были равны по правам состояния, там не могло быть поземельных распрей, и простой закон пользования землею не нуждался ни в каких ограничениях. Но когда между казаками образовалось новое сословие людей заслуженных, облеченных высшею властью, то *мера надобности*, упоминаемая в первоначальном поземельном законе, более не могла уже быть равною для всех. Теперь выдвинулось на первый план право сильного. Войсковые чины, сколько хотели и могли, расширяли размеры

своего земельного пользования и, как выражается автор, «не принимали в руководство другого правила, кроме правил тройного прямого, выражающего известную истину, что по брюху и хлеб, что большому кораблю большое и плавание». Все лучшие земельные участки перешли в руки панов. Мало того, пользуясь отсутствием всякой управы, они обратили было эти участки в вечно-потомственное владение, жалуя их друг другу письменными актами, которых, впрочем, не смели предъявлять правительству. Таким образом, пожизненное пользование мало-помалу превращалось в потомственное, и общинная земля переходила в руки немногих, в ущерб всем. Чтобы придать пользованию характер владения, войсковые чины вздумали отделиться от прочих членов общества и водворились в одиночку хуторами. С течением времени и курени, не желая уступить панам, стали жаловать земли простым казакам. Чтобы казаку получить право «сесть хутором», для этого ему стоило только поставить угощение куренному обществу. Курени не предвидели последствий своих честолюбивых притязаний и

в простоте сердца к старому злу прибавляли новое. Казак, севший хутором, дослужившись чинов, делался паном во всем дурном значении этого слова, то есть притеснял своих прежних собратьев и раздвигал на счет их свои владения. – В настоящее время различие между хуторами панскими и куренными совершенно исчезло, и они равно стали несносны для куренных обществ. Началась борьба между куренными и хуторами и, может быть, зашла бы очень далеко, если бы правительство не приняло участия в этом деле. В 1842 году издано было войсковое положение, которое взялось определить условия, размеры и порядок пользования землею. Им повелевалось «учинить межевое измерение и распределение войсковой земли и отвести в пожизненное пользование: на каждого казака по 30, обер-офицера по 200, штаб-офицера по 400 и генерала по 1500 десятин». Такова мера надобности, определенная новым войсковым положением для каждого ранга. Приведение этого устава в исполнение составляет одно из текущих распоряжений настоящего времени.

Мы коснулись только происхождения чер-

номорского войска и его земельного уряда, так как казак столько же воин, сколько и земледелец. Но книга г. Ивана Попки далеко не ограничивается этими двумя статьями. В ней можно найти множество весьма интересных топографических, статистических и этнографических сведений об описываемом им крае и его обитателях.

Обратимся теперь к уральцам. Книга г. Железнова, исключая двух последних глав, состоит из легких очерков, в которых рисуется быт уральских казаков: их домашняя жизнь и промышленные занятия, их предания, поверья, военное устройство, отношения к соседям и т. п. Чтобы придать более интереса своим очеркам, автор выводит иногда на сцену замечательные в каком-нибудь отношении казацкие личности из времен минувших, рассказывает анекдоты и разные случаи из жизни описываемого им общества, которые имеют, впрочем, более нравоописательный и романический интерес, нежели исторический. Последние две главы имеют заглавия: «Критическая статья на «Историю пугачевского бунта»» и «Мысли казака о казачестве». В пер-

вой из них автор старается опровергнуть мысль Пушкина, что причиною пугачевского бунта были яицкие казаки и что Пугачев был только орудием их.[3] Теми же самыми документами, которые приведены у Пушкина в приложениях к «Истории пугачевского бунта», г. Железнов доказывает, что яицкие казаки не могли выдумать самозванца, а что сам Пугачев хитростию обольстил простых и невежественных казаков, воспользовавшись волнением, происходившим тогда в яицком войске вследствие притеснений, которые терпели казаки от своих начальников и старшин. Г-н Железнов обличает Пушкина даже в противоречии: он говорит, что Пугачев является в «Истории» Пушкина то хитрецом, то простяком и что тот же самый Пугачев представляется у него совсем в ином свете в «Капитанской дочке», особенно где он рассказывает Гриневу сказку об орле и вороне. В последней главе «Мысли казака о казачестве» автор восстает против тех, которые хлопочут об устройстве новых казацких общин, или, как он называет таких людей, против *проектеров*. Он говорит, что казак – лицо типич-

ческое, оригинальное, самобытное, созданное природою и временем, а не возникшее вследствие кабинетных проектов, и что общин казачьих нельзя составлять искусственным образом, во всякое время. Подобные проекты о разведении казаков автор сравнивает с проектами об искусственном разведении цыплят, сеvрюг и форелей. Он говорит, что мужика нельзя переделать в казака, что он способен быть только солдатом; а между солдатом и казаком большая разница. Крестьянин, как скоро сделался солдатом, – уже более не земледелец: он бросает плуг и поступает на полное казенное содержание. Казна кормит и одевает не только его самого, но даже его жену и детей, если ему вздумается жениться. Весь мир заключается для него в роте, где он служит, в казармах и лагерях, где он живет. Дело солдата – знать военные артикулы, и больше ничего. Совсем иное дело – дело казака. Он получает от казны паек только во время похода; во всякое же другое время казне нет <до него> никакого дела, а еще менее до его семейства; казак должен иметь свою собственную одежду, вооружение, лошадь и пр.

Неурожай, засуха, скотский падеж озабочивают его столько же, как и всякого земледельца. От крестьянина, перебивающегося с куска на кусок, нельзя требовать, чтобы он имел свой собственный гвардейский мундир и чтобы он, состоя на службе, пропитывал свою семью; а еще труднее, говорит автор, «вдохнуть в него тот благотворный дух общины, дух братства и товарищества, дух, который присущ каждому природному казаку, дух, без которого нет и не может быть общества».

Мы вполне согласны с автором, что из крестьянина трудно сделать отъявленного храбреца, каков настоящий казак, который с молоком матери всасывает в себя воинскую кровь и чуть-чуть не от самой колыбели готовится к боевой жизни: разведение таких храбрецов искусственным способом действительно походило бы на искусственное разведение цыплят и форелей, пожалуй даже хуже. Казака в этом смысле действительно могло создать только время и обстоятельства, подобно тому как на Западе время и обстоятельства создали рыцарей. Но рыцарство, порождение обстоятельств, должно было исчезнуть

вместе с обстоятельствами, вызвавшими его, и мы видим, что рыцарь действительно сделался теперь анахронизмом в Западной Европе. Этот же удел ожидает и нашего казака. Уже и теперь заметно ослабевает у нас дух казачества; но он все еще находит для себя некоторое подкрепление, своего рода пищу, в стычках с пограничными народами. Но ведь не вечно люди будут враждовать между собою: когда-нибудь поймут же они, что мир лучше брани и что война – признак еще не совсем исчезнувшей первобытной грубости общественных нравов, неразвитости понятий об общежитии, атрибут того времени, когда *право сильного* играет главную роль в судьбе народов. Будет время, когда казачество сделается тоже анахронизмом на Руси. И теперь уже мы представляем первоначального казака не иначе как олицетворением необузданного удальства, свойственного только временам варварским и являющегося вследствие избытка юных, еще нетронутых сил, которые не знают для себя иного исхода, кроме войны и неудержимого разгула. Это удальство, в свое время считавшееся доблестью, теперь

кажется нам смешным и с нравственной, и с юридической, и даже с экономической точки зрения. Если оно занимает нас, то разве только как любопытный факт из времен давно минувших. Теперь, благодаря успехам человеческого просвещения и цивилизации, мы живем покойнее в своей среде и не имеем уже такой нужды в бессменных ратоборцах, какую имели во времена былые. Зачем же воскрешать тех, чья пора миновала, и вызывать их на постепенно зарастающую и пустеющую арену?..

Но нам кажется напрасным опасение автора, что в нашего крестьянина невозможно даже вдохнуть дух общины, дух братства и товарищества. Что такое казацкая община? Если смотреть на нее с гражданской точки зрения, – это союз членов, которые равны по правам состояния и которые свободно управляют сами собою. Такой характер имели все первоначальные казацкие общества. Но неужели наш мужичок так привык гнуть спину, неужели ему так приятно проливать <пот> за чужой работой, отказывая самому себе в куске насущного хлеба, – неужели все это

сделалось для него такую насущною потребностью, что в него даже нельзя вдохнуть желания лучшей участи? К счастью, факты показывают противное... Равным образом нашему крестьянину нельзя отказать и в духе братства и товарищества. Заединщина, любовь к землякам и однокашникам, складчина на какое-нибудь полезное учреждение или приобретение, если только это не выходит из круга их средств, – явления довольно обыкновенные между крестьянами. Все это показывает, что нашему крестьянину вовсе не противен дух общины и что его нельзя представлять каким-то особняком, который не видит ничего дальше своего двора и который до того груб и неразвит, что его не занимают никакие интересы!..

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 2, отд. III, с. 266–272, без подписи.

Рецензия Добролюбова – один из моментов в формировании исторического взгляда революционных демократов на крестьянскую общину как на социальный институт, черты которого могут быть сохранены и утверждены в будущем общественном устройстве. Добролюбовское «народознание» подкрепляло тем самым философскую и экономическую разработку этого вопроса Н. Г. Чернышевским. В отличие от других рецензентов этих книг (см.; *Экономический указатель*, 1858, № 103; *ОЗ*, 1859, № 3; *БдЧ*, 1859, № 4) Добролюбов подчеркивает классовое расслоение казачества, приведшее его к упадку, и вступает в полемику с Железновым о существовании «духа общины» в настоящем быту русского крестьянина.

Комментарии

Имя автора указано под посвящением к книге: «Черноморский казак Иван Попка».

[^^^]

Мятеж яицких казаков в 1772 г., непосредственно предшествовавший пугачевскому восстанию 1773–1775 гг.

[^^^]

В 5 главе «Истории Пугачева» Пушкин привел слова А. И. Бибикова и назвал их «замечательными»: «Пугачев по что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование» (Пушкин Л. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 8. Л., 1978, с. 151). Позиция Пушкина в этом вопросе позволяла выявить причины восстания, коренящиеся в настроении народных масс. Критика Железнова, не лишенная славянофильской идеализации народа (Железнов примыкал к «молодой» редакции «Москвитянина»), сводила все к личной вине Пугачева и возвращала науку к устаревшей точки зрения, когда-то справедливо отвергнутой Пушкиным. Характерно, что Добролюбов, критически относившийся к научной и публицистической прозе Пушкина (см.: наст. изд., т. 1, с. 340–344), в данном случае не присоединяется к суждениям Железнова.